

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Указания и советы. Опыт обличительной критики

Стекайтесь, как прежде, совершать,
Поминки над певцом, и гроб его венчать.
А сей несчастный — пусть живет и видит!
(*Стих. Аполлона Майкова.*
Отрывок. С. 213)

Вместо предисловия

«На вывесках всех немецких булочников встречаются изображения льва, сходствующего с британским гербом. Любопытно было бы исследовать происхождение такой эмблемы; причем нельзя не заметить, что печенье немецких булочников всегда отличается хорошим вкусом» («Сев. пчела», № 230. «Петер. город. изв.»)

Как не прискорбно восставать противу общепринятых мнений, как не тяжело разрушать убеждения и верования сердец молодых и доверчивых, но служение истине требует жертвований. «Варвара мне тетка, а Правда — сестра!» — говаривал недавно умерший действительный статский советник Булгарин.

Вооружись мужеством, о читатель! Я хочу нанести жестокий удар твоему самолюбию.

Вообрази, что у нас, на Святой Руси, в первой половине настоящего века существовал человек, который «почти исключительно писал критические статьи, резко, дерзко, беспрестанно увлекаясь своими страстями и разными личными отношениями».

Представь себе, что этот «несчастный бесновался, увлекался и умер жалким образом, не принеся никакой пользы нашей литературе, но извративши понятия многих юношей, возраставших во время его широко-шумной деятельности».

Не забудь, что только «при вечном застое в нашей общественной жизни, при усыплении нашей литературы бранчливые, циничные статьи желчного критика заставляли говорить о себе» и что какие-то «литературные спекулянты поняли это как нельзя лучше и разжигали его страсти до крайнего истощения его слабых сил».

Если ты еще не догадываешься, о ком говорю я, собери все свои силы и слушай далее:

безумного поклонника Разума. Ты не мог видеть, как постепенно извращались твои понятия и наконец превратились до того, что ты вырвал из рук детей своих «Ивана Выжигина», «Черную женщину» и «Милорда Георга Аглицкого»¹. Ты простер свое вольнодумство до того, что уже тебе казалось, будто несколько детских книжонок, «Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности г-на Греча» и посредственный перевод «Записок графини д'Абрантес» не дают права на авторитет отличного и великого писателя².

О, как заблуждался ты, повторяю! Что бы с тобою было, если бы не нагнул к тебе г-н К. Полевой, не подал руки и не вывел из этого мрачного нравственного хаоса.

Благодари от души г-на К. Полевого! Показав тебе все литературное ничтожество Белинского, он не ограничился этим одним указанием, он открыл тебе то, что не может быть известно никому, кроме Бога — что Белинский не имел христианских убеждений и поклонялся какой-то богине Разума!

Беги же скорей к Печаткину, Кожанчикову или Смирдину — кто из них тебе продал три тома сочинений Белинского — и моли слезно, чтобы взяли у тебя назад эти тлетворные книги, ибо если уже безвозвратно извращены твои понятия — ты еще можешь спасти малолетних чад своих от нравственной порчи, а легко может стать, что умиловленные книгопродавцы возвратят тебе назад твои деньги.

А вы, гг. Солдатенков и Щепкин (ибо это вы вздумали издавать сочинения Белинского), внимайте, что говорит вам г-н Полевой.

«Советуем не издавать более сочинений Белинского. Слишком довольно и изданных ныне двух томов. (На днях вышел третий, замечает редакция «Сев. пчелы».) И если голос наш не будет услышан, мы почтем себе в обязанности показать настоящее значение этого писателя разбором его сочинений».

Слышите: здесь еще не показано настоящее значение Белинского, это еще цветочки...

«Кто же просил г-на Полевого советовать нам, что издавать и чего не продавать», — говорите вы; «ведь этак и мы посоветуем ему не писать более критик, посоветуем не издавать более “Северной пчелы”».

Тсс! Вчера опять вышел № «Северн. пчелы»; на днях опять появится статья г-на Полевого. Страшиться его гнева! ...Будьте благо-разумнее Белинского.

Советуем вам лучше издать творения г-на К. Полевого, и если голос наш будет услышан, мы *почтем себе в обязанности* приобрести их для формирующейся библиотеки «Искры».

Вместо послесловия

«Мы неоднократно уже упоминали о беспощадном терзании шарманщиками нашего слуха, наигрыванием разных разностей на расстроенных шарманках. Неужели могут еще снискивать у нас пропитание разные бездомные иностранцы, трудом столь легким?»

К. А. ПОЛЕВОЙ

Сочинения В. Белинского. Часть 3-я и 4-я

Москва, 1859. В 8-ю д. л. 654 и 484 стран.

Статья моя о двух первых томах «Сочинений Белинского», напечатанная в «Северной пчеле», произвела действие, какого я не ожидал. Она, без преувеличения, привела в какое-то неистовство некоторых господ, несогласных со мною в мнении о Белинском, и вместо опровержений или доказательств, что я не прав, на меня посыпались упреки, каких не много читывал я и в нашей branчивой полемике¹. Жалею моих противников, которые унижают литературу бранью, и своим иступлением против меня, неблагонамеренными намеками и клеветами, высказанными с пеною у рта, доказывают только бессилие свое опровергнуть мои мнения ясными доводами, без гнева и злобы. В увлечении своем они забывают, что статьи, подобные той, которая напечатана в «С.-Петербургских ведомостях»², ознаменованные всеми свойствами клеветы, насмешками и бранью, обличая бессилие моих противников, отрицательно дают мне торжество. Это явление не новое, всегда повторяющееся, и еще недавно вот что было напечатано о нем в одном из лучших европейских журналов: «Если справедливо, как говорят новые гегелисты, что зло есть только низшая форма добра, то еще справедливее, что насмешка и брань только низшие формы удивления. Не всякий может возбудить против себя брань и гнев: Терсит поносил Улисса, когда герой ударил его золотым своим скипетром³; позади колесницы римских триумфаторов